

Александр Староверов

Waterman

Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к
лучшему

Александр Викторович Староверов

Waterman

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17097810
Александр Староверов: Эксмо; Москва; 2015*

Аннотация

Александр Староверов родился в Москве, до сорока лет занимался бизнесом, потом глубоко и своеобразно осознав мысль, что слово дороже денег, начал писать. Судя по отзывам читателей его романов, писать у него получается. Счастье, считает Александр, это когда получается! Что угодно получается, но особенно – найти в себе человека. Именно это является основной темой книг А. Староверова.

Александр Староверов

Waterman

Когда в 17 лет у тебя есть девушка – у тебя есть все.

Даже если в сорок у тебя красная «Феррари» и вилла на Лазурном Берегу Франции – это гораздо меньше. Нет, нельзя иметь все в сорок лет. Чисто технически нельзя. А в 17 – можно.

Если у тебя есть девушка.

У меня была – и весь мир ласково терся о мои возмужавшие крепкие ноги.

Подумать только, еще каких-нибудь четыре-пять лет назад я играл в солдатики и гонял по двору облупившийся футбольный мяч!

За 730 дней до девушки, я украдкой, чтобы не застукали учителя, выкурил свою первую сигарету. За три месяца до нашей встречи, с трудом выловив из бачка унитаза пузырь дешевого коньяка, я впервые по-настоящему нажрался на выпускном. И позорно дрожал от страха, между прочим, возвращаясь домой.

Не дай бог родители заметят...

Да что там, всего за девять часов до девушки первого сентября 1988 года, с трепетом готовясь перейти в новый и волнующий меня статус студента Московского авиационного технологического института им. К.Э. Циолковского, я ма-

шинально спросил родителей: купили ли они гладиолусы на линейку. Мама грустно улыбнулась и, погладив меня по голове, сказала:

– Теперь не нужно.

А папа беззлобно, но больно отвесил мне подзатыльник за тупость.

И вот теперь – девушка. Целая. Живая. Теплая. Умеет разговаривать. Говорят, красивая. Сам я тогда не мог понять. Простой, но величественный факт наличия у меня девушки заслонял все остальные, как казалось мне в то время, мелкие нюансы, включая красоту, характер, ум и прочие тактико-технические характеристики чудесного объекта, зовущегося девушкой.

Главное – она моя. И девушка при этом.

Еще вчера меня любили лишь родители. Но они-то обязаны. Родили – значит любите. Всех любят, тут нечем гордиться.

Еще вчера я сомневался в своей востребованности, впадал в подростковую тоску и меланхолию. Вдруг я никому не нужен? Вполне возможно, я урод или лишний человек, как говорили нам на уроках литературы про героев XIX века. Я смаковал свою неприкаянность и тут же, без перехода, гордо презирал жестокий и неправильный мир. А после – выл от унижения, а потом снова гордился и презирал.

И опять, и снова...

Но это все в прошлом.

У меня есть девушка, и мир в ее лице ласкает меня, мир заключает меня в свои дружеские, и даже более того – любовные объятия. Я достойный, важный и успешный член общества.

У меня есть девушка!

Дело даже не в сексуальном аспекте девушки. В физическом смысле моя первая девушка первой не была. Но тех, которые были до нее, «девушками» назвать язык не поворачивался. Как бы это пообразнее объяснить... ну, скажем – следующая ступень после онанизма. Поприятнее, конечно, но и постыднее. Потому что об онанизме знаешь только ты, а о следующей ступени знает еще как минимум следующая ступень.

Как говаривал папаша Мюллер Штирлицу; «Что знают двое, то знает свинья». Молодых свиней у нас на Тишинке было целое стадо, а податливых и на все готовых «ступенек» – раз, два и обчелся. Так что пересечения случались. Иногда заклятые враги встречались на подступах к заветным «ступенькам», краснея, опускали головы и мирно расходились в разные стороны. В джунглях было водяное перемирие, а у нас, если мягко выразиться, гормональное.

С обретением девушки мой социальный статус возрос неимоверно.

– Ты куда? – спрашивали меня старые дворовые дружки. – Давай мячик погоняем?

– Не могу, – гордо отвечал я. – Мы с девушкой в кино

идем.

– Эй, Саня, пойдем пивка попьем? – предлагали новые институтские товарищи.

– Не получится, – притворно горюя, вздыхал я, – моя девушка этого не любит.

И уж совсем убийственно звучал мой ответ на предложение бывших одноклассников прошвырнуться по улице Горького с целью склеить каких-нибудь чухих.

– Оно, конечно, неплохо бы... – как бы колеблясь, размышлял я, – да и у девушки моей сейчас месячные...

В этом месте я делал точно рассчитанную паузу и, насладившись своим величием, строго и по мужски продолжал:

– Но нет, не могу, люблю я своего котенка. Понимаете?

Никогда позже я не чувствовал себя таким крутым.

И, наверное, уже не почувствую.

У меня был котенок. Котенок ростом 170 сантиметров, с небесно-голубыми глазами, пушистыми ресницами и выдающейся грудью!

И я мог об этом спокойно говорить.

Меня слушали парни, стоящие на иной ступени социальной лестницы. Они жили впроголодь, они рыскали по Москве с вечно жадными глазами. Отчаявшись, унижаясь и краснея, они шли к девчонкам из своего круга – податливым, и за небольшие подарки на все согласным. В крайнем случае они использовали свои руки не только для труда и созидания...

А я, сияющий и недостижимый, стоял на вершине.

Пропасть между нами была гораздо больше, чем между бомжом и всеми участниками списка Форбс, вместе взятymi. Примерно, как между инфузорией туфелькой и неандертальцем. Нет, как между бактерией и кроманьонцем. Точно – бактерией и кроманьонцем.

Моим отсталым друзьям еще только предстояло эволюционировать в существа, отдаленно напоминающие мужчину. Тяжелый труд превратил обезьяну в человека, он же трансформировал бледных юношей в суровых мужей. Пускай сначала проутюжат в поисках чувих тысячу раз улицу Горького. Пускай, пыхтя и потея, выдумывают натужные шутки, когда им повезет, и какая-нибудь дурочка не пошлет их сразу. Пускай униженно кланя у родителей, раздобудут денег на кино и мороженое. Пускай извернутся ужом и организуют, хотя бы на пару часов, такую нужную позарез свободную хату. Пускай, наконец, попробуют уложиться в эти короткие два часа. Уломать, заболтать, уломить девчонку!..

Долг и тернист был путь в мужчины в далеком 1988 году.

Я его прошел и закономерно пожинал плоды трудов своих. Я успокоился, стал благодушно ленивым рантье. Я жил на проценты с капитала, и моим капиталом была моя девушка...

Именно тогда, теплой и солнечной перестроечной осенью, еще до наступления всякого капитализма в России, я познал главную буржуинскую тайну. Я понял и до последней сво-

ей жилки прочувствовал ахиллесову пяту будущих баловней судьбы, приватизации и фондового рынка.

Когда имеешь все, и жизнь твоя утопает в карамельной патоке удачи, очень боишься это все потерять.

Однажды ночью я проснулся в холодном поту и, неизвестно с чего, вдруг подумал:

– А что будет, если она меня бросит?

Мое тело раскалилось от неизвестной мне доселе лихорадки. Пот мгновенно испарился, и я, сухой и горячий, побежал к телефону звонить своей девушке: хотел убедиться, что она есть, не приснилась мне, не бросила меня вчера, не ушла в мир, набитый самцами, только и мечтающими о ее невообразимых прелестях!

Как скупой рыцарь, я чах над своим сокровищем. Пересчитывал его, гладил и целовал. Секс уже отошел на второй план. Лишь бы только была, была рядом. Ведь я не заслужил ее, мне просто повезло! Я самозванец, мошенник, пускающий пыль в глаза доверчивым лохам, а на самом деле...

На самом деле с той ночи жизнь моя превратилась в ад.

Да и ее, видимо, тоже.

Обычно, чего боишься, то и происходит.

Я не стал исключением. Сильно позже я прочитал у Юнга и Фрейда о воле к смерти, о запутанных отношениях Танатоса и Эроса. Прочитал и понял, что эти два гада той осенью выясняли свои отношения прямо на мне, семнадцатилетнем пацанчике, еще вчера игравшем в солдатики. А я, зажатый

их стальными лапищами, обреченно плелся к закономерному финалу. Я сам приближал этот финал, кровь моя густела и холодела от ужаса, но я ничего не мог поделать.

Конечно, она меня бросила.

Но прежде чем перейти к печальному концу истории, видимо, стоит описать ее медовую середину.

Мою девушку звали Ира.

Так просто, казалось бы, – три буквы, две гласные и одна согласная. Но для меня эти три буквы заслонили мир.

С детства имея страсть к словотворчеству, я называл ее Вира – подъем, и Ира-свет называл, точнее Ирассвет – восхождение солнца новой взрослой и прекрасной жизни, и Ирра-циональностью окрестил, потому что безумием и чудом неожиданным она была в моей жизни...

А она меня незатейливо звала Шурик.

Господи, как я ненавидел это плебейское недотепистое имя!

В раннем отрочестве образ простоватого Шуры Балаганова из «Золотого тельца» совместился у меня в голове с милым, но тупым Шуриком из «Кавказской пленницы». Получившийся гибрид до такой степени напоминал окружающих меня агрессивно-послушных, глупых, но всегда уверенных в своей правоте «совков», что, когда мои одноклассники искали повод со мной подраться, достаточно было всего лишь назвать меня Шуриком.

С Ирой я не дрался. Терпел.

Да пусть хоть шариком для пинг-понга называет, лишь бы была моей!

Моей девушкой.

Однажды я все же аккуратно намекнул, что, мол, неплохо бы называть меня Сашей или еще лучше – Sunny, на модный тогда западный манер.

– Да какой же ты Sunny, – удивилась Ира, – ты Шурик, типичный Шурик. Ну, вот тебе зеркало – посмотри. Правда, Шурик?

Что-то кольнуло меня в бок, захотелось со звоном разбить зеркало о голову моей ненаглядной, но она, едва коснувшись прелестной ручкой моих губ, мило заканючила:

– Ну, ведь правда же, правда, правда, скажи?

И я, глупо и счастливо улыбаясь, ответил:

– Правда.

То, что искусство охмурения порядочных девушек заключается в непрерывном компромиссе, хитрости и лжи, я понял в день знакомства с Ирой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.